

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Л. МОШИНСКИЙ

О ВРЕМЕНИ МОНОФТОНГИЗАЦИИ ПРАСЛАВЯНСКИХ
ДИФТОНГОВ

Тесная связь праславянской монофтонгизации дифтонгов, унаследованных от праиндоевропейской эпохи, с общей языковой тенденцией к устранению закрытых слогов, или так называемым законом открытых слогов, явилась причиной того, что дифтонги, закрытые посредством заднего (**ǫj*, **eǫ*) и переднего (**ǫj̇*, **eǫ̇*) элементов, получили в славистике одинаковое толкование; стало правильным также мнение, что их монофтонгизация была одновременной. Эта традиционная, по существу априорная, точка зрения характерна как для старых работ, в которых лишь формально различаются дифтонги типа *ǫj* и типа *ǫj̇*¹, так и для современных².

В данной работе будет представлена точка зрения, согласно которой монофтонгизация дифтонгов *ǫj*, *eǫ* происходила на несколько веков раньше, чем монофтонгизация дифтонгов *ǫj̇*, *eǫ̇*, в древнейший период существования праславянской фонологической системы, в то время как монофтонгизация дифтонгов, закрытых передним элементом *j̇*, осуществлялась в последний период, когда уже были заметны первые проявления распада праславянской языковой системы. Чтобы это подтвердить, следует показать: 1) что этот тезис не противоречит известным фактам, относящимся к судьбе праиндоевропейских дифтонгов в праславянском языке; 2) что этот тезис более адекватно, чем ранее выдвинутые, объясняет внутреннее развитие праславянской фонологической системы.

I. Ценным достижением новейших работ, посвященных развитию праславянского языка, является широкое использование фактов из области межъязыковых контактов. Эти косвенные данные имеют особенное значение для изучения праславянского, факты которого не представлены непосредственно в письменных памятниках. Среди этих работ главное место занимает книга З. Штибера «Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Фонология». Приведем факты, используемые прежде всего З. Штибером.

Об отсутствии дифтонга *ǫj* (а возможно, и *eǫ*) в (пра)славянском периоде первых славяно-латинских контактов на Балканском полуострове свидетельствует передача славянами латинского дифтонга *ai* как *aw*, которая была возможна только после перехода праслав. **ǫj* ≥ *u*₂. Ср.: лат. *Lauretum* — хорв. *Lovret*, лат. *Lauranum* — хорв. *Lovran*, лат. *Tauriana* — хорв. *Tovrljan*, лат. (*Lapides*) *lausiae* — хорв. *Lavsá*, лат. *aureata* «вид рыбы» — хорв. *ovrata* и т. д.

¹ См., например: W. V o n d r á k, *Vergleichende slavische Grammatik*, Göttingen, 1906, стр. 14—19; J. J. M i k k o l a, *Urslavische Grammatik*, I, Heidelberg, 1913, стр. 53—62; A. M e i l l e t, *Le slave commun*, Paris, 1924, стр. 51—52.

² См., например: A. V a i l l a n t, *Grammaire comparée des langues slaves*, I — *Phonétique*, Paris, 1950, стр. 153; F. V. M a r e š, *Vznik slovanského fonologického systému a jeho vývoj do konce období slovanské jazykové jednoty*, «Slavia», XXV, 4, 1956; H. K o n e c z n a, *Charakterystyka fonetyczna języka polskiego*, Warszawa, 1965, стр. 20—24; Z. S t i e b e r, *Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich. Fonologia*, Warszawa, 1969, стр. 23—25, и др.

Эти факты свидетельствуют о том, что в языке славян, пришедших около VI в. н. э. на Балканский полуостров, дифтонга *au* (и, по-видимому, *eu*) уже не было. Никто, разумеется, не сомневается в том, что в ст.-слав. языке XI в. было монофтонгическое *u*, а кириллическое *ou* — лишь результат калькирования греческой графики, которое можно заметить, хотя и в меньшей степени, также и в глаголице.

Вторая группа фактов — те, которые имели место до монофтонгизации. Штибер относит к ним вызывающее некоторое недоверие название словенского города на Драве *Ptuj* из старого лат. *Poetovio*. Он полагает, что первые славяне достигли этой территории до монофтонгизации дифтонгов. Другие факты — группа заимствований готских (как, например, **kupiti* — гот. *kaupon*, **kusiti* — гот. *kausjan*; включают сюда также **lukъ* — прагерм. **lauka-*, др.-в.-нем. *louh*, а также русск. церк.-слав. *userjazъ*, гот. **ausi-hriggia-*), балтийских (например, литов. *Laukesà* — русск. *Лучесà*, литов. *Gauja* — белорусск. *Н'uja*) и финских (например, фин. *Suomi* — ст.-русск. *Сумь*, фин. *Ruotsi* — русск. *Русь*, карельск. *luodo*, фин. *luoto* — диалектн. сев.-русск. *луда* и *лудá*). Штибер относит сюда также старофинские славянизмы: фин. *kuomina* из слав., ср. русск. *гумно*, *куота* из слав., ср. русск. *кум*, фин. *luoso* из слав., ср. русск. *лужа*, карельск. *bluoda* из слав., ср. русск. *блюдо*, где финский дифтонг *uo* является своеобразной передачей прарусского дифтонга *au*. Он считает, что если на месте иноязычного *au* или *uo* выступает слав. *u*, это значит, что славяне заимствовали эти дифтонги до монофтонгизации собственных и впоследствии монофтонгизировали их вместе со своими исконными.

Попытаемся, однако, поставить вопрос иначе. Предположим, что изменение праслав. **au* ≥ *u* произошло раньше заимствований. Согласно каким законам могли бы славяне в этом случае передавать иноязычные дифтонги? Поскольку непосредственные данные отсутствуют, попытаемся воспользоваться аналогией. На примере польского языка покажем, как язык, в котором нет дифтонгов, передает иноязычные дифтонги в заимствованных словах. Рассмотрим три группы фактов: современную передачу английских дифтонгов, старопольскую передачу средневерхненемецких дифтонгов и диалектную передачу литовских дифтонгов.

В области английских заимствований польского языка богатый лексический материал собрал Я. Фицак³. Несмотря на то, что английские слова в польском заимствованы непоследовательно — частью в соответствии с произношением, а частью в соответствии с английской графикой, — картина достаточно ясна. Английский дифтонг [au] в польском передается через *au*, например, польск. *aut* из англ. *out* [aʊt], польск. *skaut* из англ. *scout* [skaut] и т. д., что происходит и в тех случаях, когда по-английски пишется *ow*, например, польск. *brauning* из англ. *Browning* ['braʊnɪŋ].

Как *au* (фонет. *au*) в польском передается и англ. [ɔ:] (на письме *aw*), например, польск. *kraul* (пишется также *crawl*) из англ. *crawl* [krɔ:l].

Английский дифтонг [ai] независимо от написания поляки передают как *aj*, например, на месте орфографического *i*: польск. *strajk* из англ. *strike* [straɪk] и т. п.; на месте других орфографических сочетаний: польск. *bulaj* из англ. *bull's-eye* ['bulzai], польск. *rajgras* из англ. *rye-grass* ['raɪgrɑ:s], польск. *skajlajt* из англ. *skylight* ['skailait] и т. п., хотя возможно заимствование в соответствии с написанием, например, польск. *nylon* из англ. *nylon* ['nailən] и т. п.

³ J. Fisiak, The semantics of English loanwords in Polish [b:], «Studia Anglica Posnaniensa, An international review of English studies», 2 (1969), Poznań, 1970, стр. 41—49.

Как *aj* поляки передают и английский дифтонг [ei] (на письме *ai*), например, польск. *rajd* из англ. *raid* [reɪd]. Однако английский дифтонг [ei], пишущийся как *ay*, *ei*, *ey*, *a*, дает польское *ej*, например, польск. *esej* из англ. *essay* [e'seɪ] и [ˈeseɪ], польск. *bobslej* из англ. *bobsleigh* [bɒbsleɪ], польск. *konwejer* из англ. *conveyer* [kən'veɪə*], польск. *sejf* из англ. *safe* [seɪf] и т. д.

Как *ej* передается в польском и английское [i], написанное через *ey*, например, польск. *dzokej* из англ. *jockey* [ˈdʒɔki].

Английский дифтонг [ɔi] в написании *ou* или *oi* дает польское *oj*, например, польск. *bojkot* из англ. *boycott* [ˈbɔɪkət], польск. *bojler* из англ. *boiler* [ˈbɔɪlə*] и т. д.

Совершенно иной оказывается судьба в польском английского дифтонга [ou]. Независимо от написания поляки передают его как *o*. Вот примеры слов, пишущихся по-английски через *o*: польск. *buldożer* и *buldozer* из англ. *bulldozer* [ˈbul, douzə*], польск. *doping* из англ. *doping* [ˈdɔupɪŋ], польск. *kolt* из англ. *colt* [kɔult], польск. *mohar* из англ. *mohair* [ˈmɔuhɛə*], польск. *poker* из англ. *poker* [ˈpɔukə*], польск. *polo* из англ. *polo* [ˈpɔulou], польск. *pulower* из англ. *pull-over* [ˈpul, ouvə*], польск. *rower* из англ. *rover* [ˈrɔuvə*] и т. д.; так же передаются слова, пишущиеся по-английски через *oa*: польск. *gol* из англ. *goal* [gɔul], польск. *rostbef* из англ. *roast beef* [rɔust bi:f], сюда же относится пропущенное Фищакон *tost* из англ. *toast* [tɔust] и польск. *toster* из англ. *toaster* [tɔustə*], а также переданное в соответствии с написанием польск. *toast* из того же англ. *toast* [tɔust]. А вот пример с английским написанием *ow*: польск. *slow-fox*, произносимое в разговорной речи как *slofoks* из англ. *slow fox* [slɔu fɔks]. Как правило, поляки передают английский дифтонг [ou] как *o*, т. е. так же, как английское [ɔ] или [ɔ:], ср. польск. *dog* из англ. *dog* [dɔg], польск. *futbol* из англ. *football* [ˈfʊtbɔ:l], польск. *kort* из англ. *court* [kɔ:t] и т. д.

Несмотря на большое количество заимствований, в польском языке нет ни одного случая передачи английского дифтонга [ou] как группы дифтонгического характера, в то время как английские дифтонги [au], [ai], [ei], [ɔi], как правило, передаются польским двуфонемным сочетанием *au*, *aj*, *ej*, *oj*. Рекомендованное Словарем Дорошевского (XI, стр. 466) произношение *slofoks* отклоняется от реализации этого слова в разговорной речи (*slofoks*) и следует чуждому для польского языка английскому произношению.

Здесь приведены далеко не все примеры, содержащиеся в работе Я. Фищака, которая в свою очередь не охватывает все заимствования из английского, но и цитированный материал этот достаточно типичен. Различие в передаче английского [au] и [ou] польским языком основывается на том, что [au] ассоциируется с давно усвоенной в словах иностранного происхождения группой *au* (пишется *au*), например, польск. *aula* из греч. αὐλή, лат. *aula*, польск. *autochton* из греч. αὐτόχθων, польск. *haust* из лат. *haustus*, польск. *laufer* из нем. *Läufer* (ср.-в.-нем. *loufære*), польск. *laur* из лат. *laurus*, польск. *mauzer* из нем. *Mausergewehr*, польск. *paufa* из греч. παύσις, лат. *pausa* и т. д., в то время как для английского [ou] нет польского эквивалента (им не может быть группа *ou/ot*, известная по таким формам, как *stoczek* — *stocika/stotek* — *stotka* и т. п.). Из-за отсутствия подобного дифтонга или дифтонгического сочетания в польском⁴ английский дифтонг [ou] может быть передан только как монофтонгическое *o*. Это — явление фонологического восприятия, которое нельзя связывать с процессом монофтонгизации дифтонгов. Подобным же образом поляки

⁴ Ср., например: М. D ł u s k a, *Fonetyka polska*, 1, Kraków, 1950, стр. 115.

не усвоили, например, чешского дифтонга *ou* в фамилии известного актера Густава Голубка. Несмотря на традиционное написание *Holoubek*, всюду слышится произношение *Xolubek*. Как *ou/ol* польский язык может воспринять только такую фонетическую группу, в которой еще ощущается или поддерживается ассоциацией этимологическое *l*, например, *kolchoz* (произносится также *kouxos*) из русск. *колхоз*. В словах этого типа по-польски пишется *ol*, дифтонга же *ou* современный польский не принимает.

Обратное явление наблюдается при передаче в английском славянских слов. Несмотря на то, что дифтонгизация английского *o* в открытом слоге закончилась в XVII в. и сейчас представляет собою явление истории, заимствованное в XX в. из чешской литературы слово *robot*⁵ (польск. *robot*) приобрело фонетический облик [ˈroubɔt] (реже [ˈrɔb-]). Появление здесь в английском дифтонга *ou* также относится к явлениям фонологического восприятия и не может служить доказательством дифтонгического произношения этого слова в чешском языке, где *o* является монофтонгом. Так интерпретировать, разумеется, можно лишь новейшие славянские заимствования, так как более ранние, например, англ. *kopeck* [ˈkoupek], реже [ˈkɔp-] из русск. *копейка*⁶ или англ. *Pole* [pou], *Polish* [ˈpouliʃ] из польск. *Polak*, *Polanie*, *polski*, могли участвовать в закономерном процессе дифтонгизации.

В старопольский период, главным образом в XIII и XIV вв., польский язык заимствовал много слов из средневерхненемецкого. В это время в польском не было дифтонгов. Как же усваивались средневерхненемецкие дифтонги? Приводимый ниже старопольский материал охватывает период до 1500 г.⁷; для фонетического анализа использована работа В. Кестнера⁸, ср.-в.-нем. формы приводятся по словарю М. Лексера⁹.

Фонетика немецких заимствований в польском языке неоднократно анализировалась; ниже на каждый случай приводятся лишь некоторые иллюстрации.

Ср.-в.-нем. *ou* в польском передавалось чаще всего как монофтонгическое *u* (например, польск. *kuglarz* из ср.-в.-нем. *gougelære*, польск. *litkup/litkop* из ср.-в.-нем. *lithouf* или ср.-нижн.-нем. *litkōp*, польск. *wyderkup* из ср.-в.-нем. *widerkouf*); оно могло передаваться так же как *o* (например, польск. *kilof* из ср.-в.-нем. *kilhouwe*) или как *a* (например, польск. *bawelna* из ср.-в.-нем. *boumwolle*, польск. *bukszpan* из ср.-в.-нем. *buhsboum*, польск. *wyderkaf* — другой способ передачи ср.-в.-нем. *widerkouf*). Встречается, однако, и сохранение дифтонга, например, польск. *boumwol*, польск. *wandelkouf* (ср.-в.-нем. сложение отсутствует), польск. *wyderkaup*.

Ср.-в.-нем. *öu* в польском передавался как *e*; ср. польск. *knefel* из ср.-в.-нем. *knöifel*.

Ср.-в.-нем. *ei* в польском передавалось чаще всего как монофтонгическое *i* (например, польск. *bigwanty* из ср.-в.-нем. *beingewant*, польск. *gmin* из ср. в.-нем. *gemein*); оно могло передаваться так же как *y* (например,

⁵ Ср.: E. Klein, A comprehensive etymological dictionary of the English language, I—II, Amsterdam — London — New York, 1966—1967, 2, стр. 1352. Как отмечает «Příruční slovník jazyka českého», I—VIII, Praha, 1935—1957, в чешском языке это также неологизм, введенный К. Чапеком (IV, §. 2, стр. 724).

⁶ Э. Клейн не указывает времени заимствования этих слов (I, стр. 851, II, стр. 1208), но из словаря В. В. Скита (W. W. Skeat, An etymological dictionary of the English language, Oxford, 1946) мы узнаем, что слово *copeck* было записано в 1698 г. как *copec* (стр. 134), а слово *Polack* на рубеже XVI и XVII вв. употребил В. Шекспир в «Гамлете» (стр. 461).

⁷ См.: L. Mozyński, Geografia niektórych zapożyczeń niemieckich w staropolszczyźnie, Poznań, 1954.

⁸ W. Kaestner, Die deutschen Lehnwörter im Polnischen, I, Leipzig, 1939.

⁹ M. Lexer, Mittelhochdeutsches Handwörterbuch, 1—3, Leipzig, 1872—1878.

польск. *softys* из ср.-в.-нем. *schultheize*) или как *e* (например, польск. *fortel* и *fortyl* из ср.-в.-нем. *vorteil*, польск. *kres* из ср.-в.-нем. *kreiz*), но известны и формы с *ej* (например, польск. *glejt* и *glet* из ср.-в.-нем. *geleit*).

Подобно тому как в предыдущей группе встречались колебания типа *wyderkup/wyderkof/wyderkaf/wyderkaup* или *bawetna/boumwol*, здесь представлены колебания типа *glejt/glet, fortel/fortyl, bigwanty/bejngewanty/bengwanty*. Видимо, хотя в большинстве случаев в старопольском языке XIII—XIV вв. ср.-в.-нем. дифтонги *ou* и *ei* передавались как монофтонги (в первом случае *u*, *o*, *a*, во втором — *i*, *y*, *e*, *ö* как *e*), однако уже началась адаптация иноязычных дифтонгов как *au* или *ou*, а также *ej*. В более поздних заимствованиях побеждает ново-в.-нем. *au*, ср. засвидетельствованное уже в XVI в. польск. *baumistrz* из нем. *Baumeister*, польск. *fraucymer* из нем. *Frauzimmer*, возможно — через ст.-чеш. *fraucimer*. Дифтонг *au* проникал в польский язык и в греко-латинских заимствованиях, в связи с чем *ou* был совершенно вытеснен; такого дифтонга в польском нет и сейчас.

В польском не усваивались также ср.-в.-нем. дифтонги *uo*, *ie*, *iu*. Дифтонг *iu*, который мог произноситься в ср.-в.-нем. также как *ü*, усваивался поляками как *u* (например, польск. *butynek, butować*, но *bitunkować* из ср.-в.-нем. *biutunge*, ср.-нем. *bütunge*), как *i* (например, польск. *lichtarz* из ср.-в.-нем. *liuhtære*, ср.-нем. *lûchtære*) или как *y* (например, польск. *xytel* из ср.-в.-нем. *biutel*, ср.-нем. *bûtel*).

Ср.-в.-нем. *ie* поляки передавали либо как *i* (например, польск. *firtel*, также *wiertel* из ср.-в.-нем. *viertel, vierteil*), либо как *y* (например, польск. *kryg* из ср.-в.-нем. *kriec, -ges*), либо, наконец, как *e* (например, польск. *nerka* из ср.-в.-нем. *niere*), также с предшествующей мягкостью, например, польск. *fierlag*, фонет. *-f'er-/firlag* (по Старопольскому словарю, II, 360 *ferlag/fyrlag*).

Ср.-в.-нем. *uo* поляки передавали или как *u* (чаще), или как *o* (реже). Гласную *u* имеют, например, польск. *buda* из ср.-в.-нем. *buode*, ср.-нем. *bûde*, польск. *ptug* из ср.-в.-нем. *phluoc, -ges*, ср.-нем. *phlûc, plûc*, польск. *szukać* из ср.-в.-нем. *swochen*, ср.-нем. *sûchen* и т. д.

O выступает, например, в польск. *fora(/fura)* из ср.-в.-нем. *vuore*, ср.-нем. *vûre*, польск. *koflik (/kuflik)* из ср.-в.-нем. *kuofelîn/küefelîn, küefel*.

Подвергшийся перегласовке дифтонг *uo* \geq *üe* в старопольском передавался как *u*: польск. *grunszpan* из ср.-в.-нем. *grüenspân*, ср. также ср.-нем. *grûne*, польск. *kuflik* из ср.-в.-нем. *küefelîn*, польск. *musieć* из ср.-в.-нем. *müezen*, ср.-нем. *mûzen/môzen*. Как исключение на месте ср.-в.-нем. *üe* встречается польск. *y: gryszpan (/grunszpan)*.

В исследованном материале нет ни одного случая усвоения дифтонга *uo*. Это было бы понятно, если бы все заимствованные слова были из вост.-ср.-нем. диалекта, где происходила монофтонгизация *ie* \geq *i* и *uo* \geq *û*. Однако дело обстоит сложнее. На это указывает различие в способах передачи дифтонга *ie*: он передается не только как *i*, *y*, но и как *e* и *'e*, причем последнее в соответствии с правилом польской фонетики может перед переднеязычной твердой зубной измениться в *'a* (например, *wiardunek*) или даже в *'o*, ибо, возможно, именно так следует понимать редкую запись *forlagow* наряду с *ferlâgow* (фонетическое чередование *f'er/f'or*). Колебание *u/o* также может быть результатом различной передачи ср.-в.-нем. *uo*. Мнения исследователей представлены в этимологическом словаре Ф. Славского, где проанализированы следующие 12 слов: *buda, fartuch, fura/fora, fus, futro, gruba, hujnal, jatmużna, jarmuż, kreptuch, kufa, kuflik/koflik*.

Рассмотренные факты показывают, что польский язык XIII—XIV вв., в котором не было дифтонгов, совершенно не усваивал ср.-в.-нем. восхо-

дящие дифтонги *ie*, *uo* и *iu*, заменяя их соответствующими монофтонгами. При этом наряду с частой передачей ср.-в.-нем. *ou*, *ei* как монофтонгов, встречаются и первые примеры усвоения иноязычных нисходящих дифтонгов в виде польских двуфонемных групп. Появление старопольских монофтонгов на месте ср.-в.-нем. дифтонгов — это явление фонологической субституции, по своей природе не имеющее ничего общего со славянским процессом монофтонгизации дифтонгов.

Рассмотрим, наконец, как передают иноязычные дифтонги польские говоры, не имеющие дифтонгов в своей фонологической системе. Я воспользуюсь здесь лексическим материалом, собранным Я. Отрембским¹⁰ в виленских говорах и Т. Зданцевичем¹¹ в сейненских. В этих говорах много заимствований из литовского языка, в котором имеется шесть дифтонгов¹².

В анализируемом материале нет примеров на дифтонг *ui*. Нисходящие дифтонги *ai*, *ei* усваиваются как сочетания гласной + *j*, т. е. дифтонг *ai* как *aj*: сейн. *aįsjar*¹³ из литов. *aičvaras*, *aitvaras*¹⁴, сейн. *mirgai'ta* из литов. *mergai'tė*; как *ej*: сейн. *brejtać* из литов. *brai'tóti* (Зд.); как *oj*: вил. *rogojsz* из литов. *ragai'shis*, вил. *rojst* из литов. *rai'stas*.

Литовский дифтонг *ei* усваивается всегда как *ej*: сейн. *kireĩ zać* из литов. *kereizóti* (Зд.), вил. *rejsta*, *porejście* из литов. *reĩstas* и *pareistĩs* (От.).

Литовский дифтонг *au* передается в упомянутых говорах либо как группа *au* или *ou*, либо так же, как монофтонгическое *a* или *o*. Например: как *au*: сейн. *graužluk* из литов. *graužlỹs* или *graužlas* (Зд.), вил. *jaura* из литов. *jaura*; как *ou*: сейн. *groužluk* — форма, существующая наряду с указанной выше *graužluk*, вил. *rougienia* из литов. *raugiẽnė*; как *a*: сейн. *bażis* из литов. *baũżis/baužys* и сейн. *kakury* из литов. *kaukarà*, *kaũkaras*; как *o*: сейн. *kółta* из литов. *kiaũlė*, но возможно, что *kóu'a* \geq *kółta*. Несомненные трудности в усвоении литовского дифтонга *au* польскими сейненско-виленскими говорами связаны с отсутствием в этих говорах фонемы *u* \leq *t*.

Совершенно не усваиваются восходящие дифтонги *ie* и *uo*. Первый поляки передают как *'e* с предшествующей мягкостью: например, сейн. *bul'beña* из литов. *bulviẽnė*, вил. *rougienia* (фонет.-*ge-*) из литов. *raugiẽnė*. Дифтонг *uo* поляки передают как *o*: сейн. *šłokšni* из литов. *slúoksna*, *slúoksne*, сейн. *pabućok* и *vażok* из литов. импер. *pabućiuok* и *vażiuok* от *pabućiuoti* и *vażiuoti*, вил. *goba* из литов. *guobà*, вил. *rodynka* из литов. *puodjñė*.

Способ адаптации литовских дифтонгов польскими сейненско-виленскими говорами подтверждает сделанные предположения. Не имеющий дифтонгов польский язык не усваивает иноязычных дифтонгов. Если иноязычный дифтонг напоминает уже привычную двуфонемную группу (как, например, дифтонги *ai*, *ei* по отношению к новопольским *aj*, *ej*), он может быть ею заменен; другие дифтонги (например, дифтонг *au*) усваиваются постепенно по мере увеличения количества заимствуемых слов; есть, на-

¹⁰ J. O t r e b s k i, Lituanizmy słownikowe w dialekcie polskim na Wileńszczyźnie, «Język polski», XVI, 3, 1931.

¹¹ T. Z d a n c e w i c z, Litewskie elementy słownikowe w gwarach polskich okolic Sejnu, «Lingua posnaniensis», VIII, 1960.

¹² Ср.: J. O t r e b s k i, Gramatyka języka litewskiego, 1, Warszawa, 1958, стр. 111—116, 174—182; Ch. S. S t a n g, Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen, Oslo — Bergen — Tromsø, 1966, стр. 22—77.

¹³ Слова из сейненского (сейн.) и виленского (вил.) польских говоров приводятся в графической форме, используемой Т. Зданцевичем и Я. Отрембским.

¹⁴ Литовские слова, отсутствующие в словарях, даются по Отрембскому (От.) и Зданцевичу (Зд.).

конец, и такие (главным образом, восходящие дифтонги *ie*¹⁵, *uo*, а также, например, дифтонг *ou*), которых польский язык до сих пор не усвоил¹⁶; в последнем случае иноязычный дифтонг заменяется наиболее близким монофтонгом. Это — явление фонологической перцепции, субституции фонем, но не фонетический процесс монофтонгизации дифтонгов.

Если на основе лексических заимствований из языка в язык делать выводы, касающиеся фонологических систем, то следует принимать во внимание не только обе фонетические формы (языка, из которого заимствовано слово, и языка, в который оно заимствовано), но также и состав фонем, которым располагает заимствующий язык. Видимо, это относится и к праславянскому периоду. Если в период заимствования слов готского происхождения в праславянском языке еще были дифтонги **āy*, **ey*, подобный готский дифтонг мог быть усвоен как дифтонг. Если же праславянская монофтонгизация **āy* ≥ *u*₂ и **ey* ≥ *ju*₂ происходила раньше, то *u* в таких словах, как праслав. **kupiti* из гот. *kaupon*, праслав. **kusiti* из гот. *kausjan*, могло появиться в результате фонологической субституции, точно так же, как, например, современное произношение фамилии *Holoubek*, распространенное вопреки чуждому написанию *Holoubek*.

Так или иначе, несомненно, что небольшое количество готских заимствований с дифтонгом *au*, а также балтийских (например, литов. *Laukesà* — русск. *Лучесá*, литов. *Gaujā* — белорусск. *Н'уја*) и финских (например, фин. *Ruotsi* — русск. *Русь*, фин. *Suomi* — русск. *Сумь*) не может быть доказательством существования в тот период праславянских дифтонгов. Они могли еще существовать, но равным образом их могло уже не быть; точно так же финский дифтонг *uo* на месте славянского *u* в таких заимствованиях, как, например, фин. *kuotina* — русск. *гумнб*, фин. *kuota* — русск. *кум*, фин. *luoso* — русск. *лужа*, карельск. *bluoda* — русск. *блбдо*, не должен обязательно свидетельствовать о дифтонгическом славянском произношении в период заимствований, как английское произношение слова *robot* ['roubət] не может быть доказательством дифтонгического чешского произношения. Таким же образом славянские слова, заимствованные восточнолитовским тверецким наречием¹⁷, например, литов. *āñiuolas* из белорусск. *анёл*, польск. *aniol*, литов. *kiūlas* из белорусск. *кол*, польск. *kól*, *kołu*, и т. п., могут, но не должны обязательно свидетельствовать о дифтонгическом славянском произношении. Впрочем лишь два из четырех приведенных финских славянизмов этимологически имеют праслав. **u* дифтонгического происхождения: русск. *гумнб* ≤ праслав. **gūmьno* ≤ праиндоевр. **g^uou-«скот»* и русск. *лужа* ≤ праслав. **lougiā*. Из остальных *блбдо*, по общему мнению, заимствовано из гот. *biuþs* (род. *biudis*), а в *кум* и появилось, по-видимому, из суженного лат. *o* в балканском *sōm-tāter*, *sōmmeta*, как, например, ст.-слав. *рѡуминъ*, *рѡумьскъ* из греч. *Ῥωμη* или лат. *Rōma*¹⁸. Одинаковая передача в финском языке праслав. **u*, происходящего из праиндоевр. дифтонга **ou*, **au*, и *u* другого проис-

¹⁵ В польском языке, кроме положения на стыке морфем, сочетания *-je-* и т. п. после согласной не встречаются. Нет в нем и известной, например, русскому языку фонологической оппозиции типа *Петр ъет* [p'otr p'jot], *зовет* и *завьет* [zʌv'ot и zʌv'jot] и т. п.

¹⁶ Ср.: М. D ł u s k a, *Fonetyka polska*, стр. 115.

¹⁷ См.: J. O t r e b s k i, *Wschodniolitewskie narzecze twreckie*, cz. 3, «Zapozyczenia słowiańskie», Kraków, 1932.

¹⁸ Обычно также учитывается возможность заимствования из турецк. *kuma* «любовница, наложница». Об этих словах ср.: М. V a s m e r, *Russisches etymologisches Wörterbuch*, I, стр. 95, 321, 691; II, стр. 66; F. S ł a w s k i, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, I, стр. 331, 377; III, стр. 359—360; S. F e i s t, *Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache*, Aufl. 3, Leiden, 1939, стр. 97.

хождения (праслав. *ju ≤ гот. *iu*, праслав. *u ≤ лат. *ō*) скорее могла бы указывать на уже происшедшее изменение *āy ≥ u. Разумеется, формы типа слав. *Louret* из лат. *Lauretum*, слав. *Louvan* из лат. *Lauranum* свидетельствуют об отсутствии дифтонгов типа *ai* в период, когда славяне столкнулись с латынью на Балканском полуострове. Лат. *Poetovio*¹⁹ — слав. *Ptuj* следует, как кажется, объяснять иначе, чем это делает, например, Штибер, согласно которому славяне заимствовали это название раньше, чем названия типа *Louvan*, т. е. до праславянского изменения *āy ≥ u₂, и передавали его как *Poe-tou-īo, что дало после монофтонгизации *Ptuj* (≤ *Pъtujь). Но в латинском языке не было дифтонга *oi* (праиндоевр. *oi переходит в *u* уже в конце III в. до н. э.), в соответствии с нормами классической латыни это название должно произноситься *Poe-to-vi-o*. Можно предположить, что славяне столкнулись с народным латинским произношением типа лат. клас. *plūvia* ≥ лат. нар. **plūia* и **plōia* (здесь вокализм под влиянием *plōvēre*), откуда, например, франц. *pluie*, рум. *pluie*, фриульск. *pluie*²⁰ и т. д. Таким же образом лат. *Poetovio* могло измениться в **Poetoīo*, которое славяне передали как *Pъtujь, изменяя лат. *o* в *u*, как, например, в приведенном выше слове *kum*. Следует помнить, что Птуй находится в ближайшем соседстве с фриульскими ретороманскими говорами²¹, с которыми столкнулось прибывшее сюда около VI в. праславянское население, и развитие по схеме: лат. клас. *plūvia* — фриульское *pluie* весьма правдоподобно. Принимая эту интерпретацию, мы исключаем пример *Poetovio* — *Ptuj* при рассмотрении праславянских дифтонгов.

Итак, рассматривая закономерности фонологической субституции при лексических заимствованиях из языка в язык, следует принимать во внимание состав фонем заимствующего языка. Например, тот факт, что славянское **ri* ≤ *ū*₁ в древнейших заимствованиях литовцы передавали как *ui*, становится вполне понятным лишь на фоне других возможностей передачи этой фонемы литовским языком. Если из литовских фонем: *i* ≤ праиндоевр. **i*, *ū* ≤ праиндоевр. **ū*, *uo* ≤ *ō* ≤ праиндоевр. **ō*, наконец *ui* ≤ праиндоевр. **ōi* наиболее близким славянскому **ri* оказался дифтонг *ui* (несмотря, например, на соответствия слав. **bъiti* — литов. *būti*, слав. **stъinъ* — литов. *sūnūs*), то это может означать, что слав. **ri* имело в то время дифтонгический характер. Вот известные примеры²²: литов. *builis* из праслав. **bъilь*, др.-русск. *быль*, литов. *kūila* из праслав. **kъila*, ср. церк.-слав. *кѣла*, литов. *tuilas* из праслав. **mъi(d)lo*, др.-русск. *мыло*, литов. *mitas* из праслав. **mъito*, др.-русск. *мыто*, литов. *smiūkas* из праслав. **smъikъ*, др.-русск. *смыкъ*, литов. *tuīnas* из праслав. **tъinъ*, др.-русск. *тынъ*.

¹⁹ Речь идет о словенском городе на реке Драве, в древности — лагере римского легиона, преобразованном императором Траяном (98—117) в римскую колонию под названием *Colonia Ulpia Trajana Poetoviensis*, а также *Poetovio* и *Poetovium*.

²⁰ Ср.: W. Meyer-Lübke. *Romanisches etymologisches Wörterbuch*, Heidelberg, 1935, стр. 550; O. Bloch, W. von Wartburg, *Dictionnaire étymologique de la langue française*, 2 éd., Paris, 1950, стр. 469. Ср. также лат. *Gāius* ≤ *Gāvios*, *noīcia* ≤ *novīcia* и т. п. (см., например: F. Stolz — J. H. Schmalz, *Lateinische Grammatik*, Aufl. 5, München, 1928, стр. 116, о слогаобразующем произношении после согласного *i* — стр. 110; J. Otrębski, J. Saffariewicz, *Gramatyka historyczna języka łacińskiego*, cz. 1, Warszawa, 1937, стр. 124 и 119).

²¹ Ср.: T. Milewski, *Zarys językoznawstwa ogólnego*, cz. 2, *Rozmieszczenie języków*, Lublin — Kraków, 1948, вып. 1, стр. 268—270, вып. 2, карта № 57.

²² Ср., например: J. Otrębski, *Gramatyka języka litewskiego*, I, стр. 178; E. Fraenkel, *Litauisches etymologisches Wörterbuch*, I, стр. 62—63, 253, 468, 469; II, стр. 849, 1134.

В более поздних заимствованиях славянскому *ѣи* (*y*) соответствует литов. *i*, например, в тверецком диалекте, в котором также есть дифтонг *ui* и слова *tuĩlas* и *tuĩnas*²³, имеется *bagãĩĩrus* из белорусск. *багатыр*, *grĩkei* из польск. *gryka*, *mĩsĩlis* из белорусск. *мысль*, польск. *myśl*, и т. д. Сюда относится также общее литов. *kũla*, *kylà* из белорусск. *кіла*, польск. *kila*. Особенно поучительно последнее слово, заимствованное литовцами дважды: в период дифтонгического произношения слав. *ѣи как *kũila* и после монофтонгизации как *kũla*.

Из всего сказанного следует, что известные до сих пор языковые факты не могут служить доказательством ни ранней, ни поздней монофтонгизации праславянских дифтонгов **aj*, **ej*. Они свидетельствуют лишь о том, что в период древнейших латинско-славянских контактов (т. е. около VI в. н. э.) на Балканском полуострове дифтонга **aj* у славян уже не было. На то же самое, хотя и менее отчетливо, указывают славянские заимствования в финских диалектах.

II. Рассмотрим теорию о ранней монофтонгизации праиндоевропейских дифтонгов **ai*, **oi*, **ei* в праславянском языке с точки зрения развития этого языка.

Для принятия этой теории нет никаких препятствий со стороны общего языковедения. Факты неодновременной монофтонгизации дифтонгов в языках, которые их устранили, широко известны. Например, в греческом²⁴ праиндоевропейский дифтонг *oi* подвергся монофтонгизации уже в VI в. до н. э., изменившись в итоге в *i* (на письме по традиции *ov*), в то время как праиндоевропейские дифтонги *ei*, *ai*, *ai* сохранились как греческие дифтонги *ev*, *av* вплоть до новогреческой эпохи, когда они изменились в *ev/ef*, *av/af*. Греческий дифтонг *ei* (\leq праиндоевр. *ei*) монофтонгизируется в V в. до н. э., в то время как *ai* (\leq праиндоевр. *ai*, *ei*) — во II в. н. э., а *oi* (\leq праиндоевр. *oi*) — в III в. В латинском²⁵ дифтонг *ei* \geq *i* во II в. до н. э., *oi* \geq *i* в конце III в. до н. э., но после губного монофтонгизация *oi* \geq *oe* \geq *e* имела место лишь в I в. н. э., праиндоевр. *ai* \geq *ae* — во II в. до н. э., но монофтонгическое *e* побеждает только в III—IV вв. н. э. Дифтонги *ei* \geq *oi* и *oi* монофтонгизируются в *i* в III в. до н. э., однако *ai* пережило период классической латыни, а на французской почве перешло в *Q* около VIII в.²⁶ Новые дифтонги с исходом на *i* оформились во французском²⁷ около X в. Уже в XII в. дифтонг *ai* перешел в *e*, в то время как *ii* дало двуфонемную группу *ii* в XV в.; тогда же *oi* дало *ue*, а в XVIII в. *ya*. Новые дифтонги с исходом на *e* возникают во французском языке прежде всего из групп типа *ol*, *al*, *el* в XII—XIII вв. (раньше, около VIII в., возник дифтонг *ui* из ст.-франц. *o* \leq лат. *o*, *u* в открытом слоге). Эти дифтонги монофтонгизируются около XVI—XVII вв.

Как видно, временной диапазон между монофтонгизацией первого и последнего дифтонга праиндоевропейского происхождения достигает в гре-

²³ Ср.: J. O t r e b s k i, Wschodniolitewskie narzecze twereckie, cz. 1, Kraków, 1934, стр. 20—21; cz. 3, Kraków, 1932, стр. 34, 59.

²⁴ Ср., например: E. K i e c k e r s, Historische griechische Grammatik, I, Berlin — Leipzig, 1925, стр. 27—34.

²⁵ J. S a f a r e w i c z, Zarys gramatyki historycznej języka łacińskiego, Warszawa, 1953, стр. 45—49, 72—75, 264.

²⁶ Проблема монофтонгизации дифтонгов, унаследованных отдельными языковыми группами от праиндоевропейской эпохи, посвящена интересная статья Т. Милевского «Sur la monophthongaison des diphtongues dans les langues indo-européennes», EOS, XL, Lwów, 1939.

²⁷ Ср.: A. D a r m e s t e t e r, Cours de grammaire historique de la langue française, Paris, 1930; W. M e y e r-L ü b k e, Historische Grammatik der französischen Sprache, Heidelberg, 1913; W. M a Ń c z a k, Phonétique et morphologie historiques du français, Łódź — Warszawa — Kraków, 1962.

ческом языке более 1000 лет (праиндоевр. *ou* \geq *u* в VI в. до н. э. — *au*, *eu* просуществовали до новогреческой эпохи), подобная же картина наблюдается в латинском (*oi*, *ou* \geq *u* в III в. до н. э. — *au* \geq ϱ [ɔ] около VIII в. н. э.). Аналогичный диапазон монофтонгизации новофранцузских дифтонгов достигает около 500 лет (франц. *ai* \geq ϵ [ɛ] в XII в. — *eai* \geq ϱ в XVII в.). Вполне возможно, что и временной диапазон между монофтонгизацией разных типов праславянских дифтонгов достигает нескольких сотен лет.

Процесс монофтонгизации дифтонгов в праславянском языке связан, без сомнения, с законом открытых слогов. Но процессы, вызванные этой общей тенденцией, продолжались долго, не были одновременными, даже если они были сходны. Более раннее или более позднее исчезновение закрытого слога в праславянском языке зависело от качества согласного элемента.

Между неслогообразующими элементами, закрывающими дифтонги *ai*, *ei*, с одной стороны, и дифтонги *ai*, *ei*, с другой, в праславянском была существенная разница. Об этом свидетельствует дальнейшая судьба этих звуков в гетеросиллабических дифтонгах. Закрывающее дифтонг неслогообразующее *ɥ* переходит в данной позиции, как и любое праиндоевр. или праслав. *ɥ* в согласный *w*, например, праслав. **kowati* \leq праиндоевр. **kāu-*, праслав. **govēdo* \leq праиндоевр. **g^hōu-*, праслав. *(*u*)*m^hwen^h* \leq **m^hɥen^h* \leq **m^hu-en^h* \leq праиндоевр. **mū-*, праслав. **wydra*, **woda* \leq праиндоевр. **ɥed-*, **ɥōdōr*, праслав. **wymę* \leq праиндоевр. **ūdh-men-* и т. д. Эти широко известные факты доказывают, что в праславянский период *ɥ* произносилось с сильным округлением и сближением губ, благодаря чему легко возникал шумный элемент и происходил переход *ɥ* \geq *w*. Звук *ɥ*, таким образом, имел более консонантный характер, чем нешумный *i*, который, правда, в праславянский период совпадал с праиндоевр. **j*, но имел вместе с ним характер только факультативной протезы, выступающей в начале слова и в интервокальной позиции²⁸. Сохранение или утрата йота — локально ограниченный фонетический закон. Об этом свидетельствуют колебания, при которых даже праиндоевропейское корневое местоименное **j-* воспринимается именно как такая протеза. Вот несколько примеров: праслав. **awiti* \leq праиндоевр. **aɥ* (**aɥ-i-ti*) после появления протезы переходит в **jēwiti* (например, ст.-слав. ꙗ҃тиги), ст.-слав. аз҃а (встречается также ꙗ҃з҃а) считается вторичной формой, результатом утраты протетического *j-* в праслав. **ezъ* \leq праиндоевр. **eġ(h)om*. После утраты протетического йота в праслав. **jezero* \leq праиндоевр. **eġ(h)-* возникает вост.-слав. *бѣзеро*. Отмечены случаи утраты корневого местоименного *j-*, например, **j-ġko/ako* (ст.-слав. ꙗ҃ко/ако); **j-ū-ze/u-ze* (ст.-слав. оуѣ/уѣ), вин. ед. ср. р. **j-eže*, известное на русской территории (например, Синайский патерик) в форме *оже*.

Количество примеров можно было бы увеличить. Они доказывают, что в праславянском не было согласного **j*. Праиндоевропейская фонема *j* утратила свою самостоятельность в тот момент, когда возникли новые праславянские палатальные фонемы из двуфонемных групп типа **sj* \geq *š*, **tj* \geq *č* и т. д., и совпала с нешумным неслогообразующим *i*, становясь лишь факультативной протезой, начальной или интервокальной. Совсем иначе обстояло дело с неслогообразующим *ɥ*, которое становится самостоятельной согласной фонемой даже в несомненных случаях протетического происхождения, как, например, праслав. **wymę* \leq праиндоевр. **ūdh-men-*, праслав. **ukъ*, **učiti*/**wyknoiti* \leq праиндоевр. **ouk-/ūk-*.

²⁸ Ср. также: N. S. T r u b e t z k o y, Altkirchenslavische Grammatik, Wien, 1954, стр. 62.

Это различие сыграло решающую роль и в судьбе дифтонгов $*\acute{a}y$, $*ey$ и $*\acute{a}i$, $*ei$. Первые как более закрытые значительно раньше подверглись монофтонгизации, вторые просуществовали как дифтонги почти до конца праславянской языковой общности, о чем свидетельствует относительно поздний процесс так называемой II палатализации.

Тезис о значительно более ранней монофтонгизации дифтонгов $*\acute{a}y$, $*ey$ по сравнению с $*\acute{a}i$, $*ei$ проливает свет и на другие факты истории праславянского языка. Это прежде всего еще не выясненный вопрос о том, почему $\bar{u}_2 \leq *oy$, $*ay$ не совпадает с \bar{u}_1 , в то время как $\acute{e}_2 \leq *oi$, $*ai$ и $\bar{i}_2 \leq *oi$, $*ei$ совпадают с \acute{e}_1 и \bar{i}_1 (по мнению Г. Конечной, эта идентификация является вторичной²⁹). Факты эти хорошо объяснимы с точки зрения фонологических оппозиций. Исходным является то состояние, при котором, с одной стороны, дифтонги противопоставляются друг другу слогообразующей частью, которая может быть передней (ey , ei) или задней ($\acute{a}y$, $\acute{a}i$), с другой — неслогообразующей ($\acute{a}y$, ey — $\acute{a}i$, ei). Как показало дальнейшее развитие дифтонгов, более сильной была оппозиция неслогообразующей части. При фонетическом изменении $*\acute{a}y \geq \bar{u}_2$ и $*ey \geq \bar{j}\bar{u}_2$ фонологическая система не допустила идентификации с $*\bar{u}_1$ и $*\bar{j}\bar{u}_1$. Вскоре, однако, устанавливается новая система дифтонгов. После изменения $*\bar{u}_1 \geq ui \geq \bar{v}i$ праславянская система ротовых гласных была следующей: а) верхние монофтонги $\bar{u}_2 : \bar{i}_1$, $\bar{y} : \bar{y}$, нижние монофтонги $\bar{a} : \bar{e}$, $\bar{a} : \bar{e}$, а после качественных изменений — верхние долгие $\bar{u}_2 : \bar{i}_1$, полуверхние полукраткие $\bar{v} : \bar{v}$, средние краткие $\bar{o} : \bar{e}$, нижние долгие $\bar{a} : \bar{e}$; б) дифтонги: в древнейший период ui , $\acute{a}i$, ei , позднее $\bar{v}i$, oi , ei . Слогообразующей основой этих дифтонгов были все краткие гласные, кроме $*\bar{i}$ (и следовательно, не было дифтонга $*\bar{i}i \geq \bar{v}i$), неслогообразующим элементом — только i . Таким образом, дифтонги оказались вне существеннейшей для праславянского вокализма оппозиции гласных переднего и заднего ряда. Когда же наступает их монофтонгизация, они совпадают с уже существующими передними гласными: $\acute{a}i \geq \acute{e}_2$ или i_2 ; $ei \geq i_2$, $ui \geq \bar{v}i \geq i_3$ (или y).

Процесс, который привел к переходу $*\bar{u}_1$ в праслав. $\bar{v}i$ и затем в переднее y или i_3 , не был, как считают многие слависты, результатом спонтанного процесса делябиализации верхней задней гласной. Он был обусловлен фонологически. Монофтонгизация $*\acute{a}y \geq \bar{u}_2$ вызвала изменение $*\bar{u}_1 \geq \bar{v}i$. Такая самозащита фонологической системы перед опасностью отождествления двух первоначально различных фонем не представляет собой исключительного явления. Вот несколько примеров. В VI в. до н. э. праиндоевр. дифтонг $*oi$ в греческом языке монофтонгизируется в $*u$. Сразу же после этого, в V в. до н. э., праиндоевр. $*u$ переходит в \bar{y} (ипсилон)³⁰. Изменение праиндоевр. $*u \geq$ греч. v [\bar{u}], конечно, является лишь последствием изменения праиндоевр. $*oi \geq$ греч. ou [u]. Монофтонгизация на французской почве нар. лат. $ai \geq o$ вызвала изменение гласной o ($\leq \bar{o}$) в открытом слоге в дифтонг uo , откуда имеем, например, франц. $bauf \leq \leq biof \leq$ лат. $b\bar{v}oet$ (VII—VIII вв. н. э.)³¹. В латышском и литовском языках изменение балт. $*\bar{a}$ в \bar{o} вызвало дифтонгизацию балт. $*\bar{o}$ в uo ³². Новое слав. \bar{a} , происходящее у северных славян (кроме лехитов) из $*\bar{e}$, а в сербско-хорватско-словенской группе из $*\bar{e}/\bar{y}$, вызвало на этой территории сужение или дифтонгизацию старого \bar{a} , т. е. \acute{e} (ять)³³. В чешском языке

²⁹ См.: Н. Конечная, указ. соч., стр. 21.

³⁰ Ср.: Е. Кießkers, указ. соч., стр. 22—23, 30—31.

³¹ См., например: А. Darmesteter, указ. соч., стр. 99—102.

³² Ср.: Ch. S. Stang, указ. соч., стр. 37—50.

³³ Ср.: L. Moszyński, *Od czego zależał różnokierunkowy rozwój tzw. jat' w językach słowiańskich*, «Biuletyn PTJ», XXV. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1967, стр. 149—154.

долгое пращешское \bar{o} перешло в \bar{u} (\hat{u}) в XIV—XVI вв. В то же самое время старое долгое \bar{u} изменилось в ou ³⁴. Во многих польских говорах именные прапольского долгого \bar{a} (так называемого « \acute{a} rochyłonego») в o вызвало дифтонгизацию старого o , отсюда произношение типа $k^u\acute{o}vol \leq kow\acute{a}l$. В великопольских говорах изменение так называемого « \acute{e} rochyłonego» в y ($\acute{e} \geq y$) вызвало изменение $y \geq y^i$ ³⁵, а, например, в диалекте так называемых веленских мазур переход « \acute{o} rochyłonego» в u ($\acute{o} \geq u$) вызвал понижение и дифтонгизацию старого $u \geq o^u$ ³⁶.

На фоне этих фактов становится очевидным, что изменение праиндоевр. $*\bar{u}$ в \bar{u} в праславянском языке было последствием изменения праиндоевр. $*ou$, $*au \geq \bar{u}_2$.

Первоначальный характер праслав. $*\bar{u}$ оценивается по-разному. Одни слависты (например, З. Штибер) высказываются за монофтонгическое развитие ³⁷, другие принимают (например, Т. Милевский ³⁸) или допускают (например, А. Вайан ³⁹) дифтонгическую стадию. Главное препятствие для принятия тезиса о дифтонгизации $*\bar{u}_1$ представляет несомненная праславянская тенденция к монофтонгизации, в свою очередь связанная с так называемым законом открытых слогов. Если же принять во внимание тот факт, что праслав. $*\bar{u}_1$ легко подвергалось разложению на два элемента, доказательством чему служат такие формы, как $(za)b\bar{u}wen\bar{z} \leq *b\bar{u}en \leq *b\bar{u}-en \leq$ праиндоевр. $*bh\bar{u}-$; а также $*s\bar{u}wen\bar{z} \leq *sj\bar{u}en \leq *sj\bar{u}-en \leq$ праиндоевр. $*sj\bar{u}-$ вместо ожидаемых $*b\bar{u}-en \geq *byjen-$, и $*sj\bar{u}-en \geq *sji-en- \geq *sijen-$, а также то, что после изменения $*\bar{u} \geq \bar{u}_2$ и $*\bar{u}_1 \geq \bar{u}$ еще несколько веков существовали дифтонги ai , ei , и, наконец, тот факт, что изменение $\bar{u} \geq u_i$ возможно (с ним мы встречаемся, например, в литовском языке ⁴⁰), то принятие тезиса об изменении $\bar{u}_1 \geq u_i$ и затем в \bar{u}_i , пополняющего существующий ряд дифтонгов ai , ei аналогичным третьим дифтонгом, становится вполне возможным.

В пользу этой теории говорят следующие факты: 1) кирилло-мефодиевское написание, всегда двубуквенное: \bar{u} или ui ; 2) старолитовские славизмы типа $k\bar{u}ila \leq *k\bar{u}ila$, $m\bar{u}ilas \leq *m\bar{u}(d)lo$; 3) колебания вокализма в славянских заимствованиях в греческом языке ⁴¹. Передача греками праслав. $*\bar{u}$ то как u (ou), например, греч. Μαγούλα из слав. $*mog\bar{u}ila$, греч. Καροῦτα из слав. $*kor\bar{u}ito$, греч. Μποῦστο из слав. $*b\bar{u}istr-$, то как i (на письме — i и u), например, греч. Ριβῖος из слав. $*R\bar{u}ib\bar{u}je$, греч. Καροῦτα из слав. $*Kor\bar{u}ita$, указывает на то, что праслав. $*\bar{u}$ не имело точного греческого соответствия, но напоминало и греческое ou и i . Это мог быть именно не известный грекам дифтонг ui ; 4) написание ui на месте \bar{u} в так называемых фрейзингенских отрывках X—XI вв., например, $buiti = b\bar{u}iti$, $mui = m\bar{u}i$ ⁴²; 5) старочешские записи типа $Buit, ow = Byd\bar{z}ov - 1186$ г.,

³⁴ Ср.: T. L e h r-S p ł a w i ŋ s k i, Z. S t i e b e r, Gramatyka historyczna języka czeskiego, cz. 1, Warszawa, 1957, стр. 71—74.

³⁵ Ср., например: K. N i t s c h, Dialekty języka polskiego, Wrocław — Kraków, 1957, стр. 33, 37.

³⁶ A. T o m a s z e w s k i, Mowa tzw. Mazurów wieleńskich, «Slavia occidentalis», 14, Poznań, 1935, особенно стр. 57—62.

³⁷ Z. S t i e b e r, Jak brzmiało prasłowiańskie «y»? «Z polskich studiów slawistycznych», Ser. 2, Warszawa, 1963.

³⁸ T. M i l e w s k i, Przyczynek do charakterystyki wymowy prasł. $*y$, «Sprawozdania z czynności i posiedzeń PAU», XXXIV, 5, Kraków, 1929.

³⁹ A. V a i l l a n t, Grammaire comparée des langues slaves, I, Paris, 1950, стр. 118—120.

⁴⁰ J. O t r e b s k i, Gramatyka języka litewskiego, I, Warszawa, 1958, стр. 177.

⁴¹ Ср.: Z. S t i e b e r, указ. соч., стр. 23.

⁴² См.: A. V. I s a ě n k o, Jazyk o pôvod Frizinských pamiatok, Bratislava, 1943, стр. 26.

Buitic = *Bytic* — 1196 г., *Bui, trice* = *Bystrice* — 1226 г.⁴³; 6) старозападнорехитские записи с дифтонгом на месте праслав. *ѳi*. Древнейший пример относится к IX в.⁴⁴. Это записанное в «*Annales Fuldenses*» под 844 г. имя ободритского князя *Goztomuizli* ≤ **Ġostomѳislъ*. Две следующие записи IX в. — это *Ġimusclo* ≤ **Cemѳislъ* ≤ **Cѳstѳmѳislъ* (имя коледзитского князя, «*Annales Bertiniani*», 839 г.⁴⁵) и *Tabomuzlem* ≤ **Dobomѳislъ* (имя ободритского князя, «*Annales Fuldenses*», 862 г.) — обе формы написаны через *u*. Т. Милевский считает, что «написание *u* следует понимать либо как графическое упрощение написания *ui*, либо как результат редукции второй части звука в определенных позициях»⁴⁶. Написание *ui* встречается еще в XII в., например, *Dobimuisle* (польск. *Dobimysł*) 1178 г., однако встречается уже и *oi* (*oy*), например, *Dargemoyzle* ≤ **dorgomѳislъ* — 1190 г., в XIII в. доминирует *oi* (пишется также *oy*), например, *Boytin* ≤ **brѳitinъ* — 1233 г. и т. д.

Три последние группы фактов иногда объясняются как исключительно графическое явление, точнее как влияние немецких графических навыков⁴⁷, но, например, Т. Милевский видел здесь отражение фонетики, рефлекс праславянского **ѳi*, произносящегося как *ui*⁴⁸. Дальнейшее сохранение этого произношения в полабском диалекте можно объяснять так же, как и сохранение на этой территории группы **tārt*, т. е. как периферийный архаизм. Существуют, разумеется, и неясные детали, например, почему во всех этих записях слогаобразующий элемент дифтонга *ui* не отождествляется с ером, как в старославянском языке (хотя в полабском диалекте *Henniga* **ѳ* ≥ *ā* и подобным же образом **ū*₁ ≥ **ѳi* ≥ *ā*₁⁴⁹). С другой стороны, обращает на себя внимание сходство совершенно не связанных между собой записей фрейзингенских отрывков, старочешских и старополабских текстов. Ведь они появились на разных территориях на протяжении четырех веков (от IX до XII в.), и видеть в них исключительно отражение немецкой графической традиции представляется некоторым упрощением вопроса; 7) вполне возможно, что именно дифтонгическое произношение *ѳi* было фонологической основой развития произношения типа **nowъjъ* ≥ *nskъ* или *nskъ*. Здесь речь идет либо о непосредственной идентификации дифтонга *ѳi* с фонетической группой *ѳj*, либо о появлении так называемого напряженного ера (*ġ*)⁵⁰ — **nowġjъ* для недопущения такой идентификации, которая в конце концов все-таки произошла.

Если принять тезис о том, что ст.-слав. *ѳi* (*ѳi*) отражает дифтонгическое произношение, то необходимо выяснить, почему монофтонгизация **ѳi* ≥ *i*₃ (*y*) произошла позднее, чем изменение *ā*₁, *e*₁ ≥ *ě*₂, *i*₂. Дело в том, что дифтонги *ā*₁, *e*₁ были, без сомнения, двумерными: дифтонг **ui* ≤ *ū*₁ вначале также был двумерным, но позднее, после возникновения еров и последовавшей затем их редукции в слабые еры он стал дифтонгом кратким, одномерным, который можно было бы записать как *ġi*. В то время, когда

⁴³ См.: J. G e b a u e r, *Historická mluvnice jazyka českého*, I, Praha, 1963, стр. 278.

⁴⁴ Т. М и л е w s k и, *Przyczynek do charakterystyki wymowy prasł. * y*.

⁴⁵ См. также: «*Słownik starożytności słowiańskich*», II, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1964, стр. 440, слово *Koledzicy*.

⁴⁶ Т. М и л е w s k и, указ. соч., стр. 18; см. также: Т. М и л е w s k и, *Przyczynki do dziejów języka połabskiego*, «*Slavia occidentalis*», 8, 1929, особенно стр. 38; М. Ј е ž о w a, *Dawne słowiańskie dialekty Meklemburgii w świetle nazw miejscowych i osobowych*, cz. 1, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1961, стр. 45—52.

⁴⁷ Ср., например: J. G e b a u e r, указ., соч.; М. Ј е ž о w a, указ. соч., стр. 50.

⁴⁸ Ср., например: Т. М и л е w s k и, *Przyczynki do dziejów języka połabskiego*, стр. 38.

⁴⁹ Ср.: Т. L e h r-S p ł a w i n s k и, *Gramatyka połabska*, Lwów, 1929, стр. 47—61.

⁵⁰ Ср., например: R. N a h t i g a l, *Slovanski jeziki*, izd. 2, Ljubljana, 1952, стр. 19.

долгота гласных стала зависеть не от качества, а от интонации⁵¹, устранение двумерных фонем вызвало не только сокращение до этого всегда долгих \bar{u}_2 , \bar{e} , \bar{a} , но и ускорило монофтонгизацию двумерных дифтонгов $\bar{a}i$, $e\bar{i}$. Одномерное $\bar{r}i$ (т. е. $\bar{r}i$) удержалось дольше, по крайней мере до времени Кирилла и Мефодия. После его монофтонгизации у непалатализирующих южных славян возникло новое $i_3 \leq \bar{r}i$, не изменяющее согласных k , g , x , а у северных славян, имеющих новопалатальные согласные, — такой вариант фонемы i , который мог стоять после твердых согласных: $*\bar{r}i \geq y$.

Остается еще сказать о взаимоотношении $*j\bar{u}_1$ и $*j\bar{u}_2 \leq *eu$. На это обращает особое внимание З. Штибер. Тот факт, что только $j\bar{u}_1$ переходит в ji ($*sj\bar{u}ti \geq \bar{s}iti$, но $*se\check{c}i\bar{u}os \geq \bar{s}ujb$), с теоретической точки зрения можно объяснить двояко: 1) изменение $*j\bar{u} \geq ji$ (а тем самым, видно, и $*j\bar{a} \geq je$) произошло до монофтонгизации $*eu \geq j\bar{u}_2$; 2) подобно тому, как \bar{u}_2 вызвало изменение $\bar{u}_1 \geq \bar{u}i$, $j\bar{u}_2$ вызвало изменение $j\bar{u}_1 \geq j\bar{u}i$, а передвижение вперед гласных заднего ряда после йота было более поздним. Но в таком случае должно было бы возникнуть $*j\bar{u}_1 \geq j\bar{u}i \geq j\bar{r}i \geq j\bar{v}i$ и лишь одновременно с изменением $\bar{r}i \geq i_3$ ожидалось бы изменение $*\bar{r}i \geq i$. Между тем, следов такого дифтонгического произношения $j\bar{u}_1$ не имеется. Следовательно,¹ надо принять первое объяснение.

Изменение $*j\bar{u}_1 \geq j\bar{v}$ было, однако, более поздним, чем тенденция к дифтонгизации долгого \bar{u}_1 перед гласной, так как иначе прич. прош. врем. страдат. от $*sj\bar{u}ti \geq \bar{s}iti$ было бы $*sj\bar{u}-en- \geq \bar{s}i-en- \geq \bar{s}ijen-$, но не $\bar{s}wen\bar{c}$, последнюю же форму можно вывести только из $*sj\bar{u}-en- \geq sj\bar{u}en-$.

Для установления хронологии процессов, связанных с $*j\bar{u}_1$ и $*j\bar{u}_2$, представляется важным слово $*bl'udo$ (ст.-слав. блѹдо), заимствованное из гот. $biu\bar{f}s$, $-dis$. Готский дифтонг iu был отождествлен здесь не с $*j\bar{u}_1$, а с $*j\bar{u}_2$; значит, в эпоху контактов славян с готами и проникновения готских заимствований в праславянский язык (II—IV вв. н. э.) уже не только не было $*j\bar{u}_1$, но и должно было существовать $*j\bar{u}_2$: в противном случае невозможное в праславянском сочетании ju перешло бы в ji . Отождествление готского iu с праслав. $*j\bar{u}_2 \leq eu$ (ср., например, праслав. $*bl'udo$ из гот. $biu\bar{f}s$ и праслав. $*bl'usti$, $bl'ud\bar{o} \leq$ праиндоевр. $*bheudh-$) доказывает, что монофтонгизация $*eu \geq j\bar{u}_2$ (а в связи с этим, вероятно, и $*\bar{a}u \geq \bar{u}_2$) произошла раньше.

Для установления хронологии развития $*\bar{r}i$ не имеют, однако, большого значения германские заимствования, содержащие герм. \bar{o} и герм. \bar{u} . Существует общее мнение, что герм. \bar{o} соответствует слав. \bar{u}_2 , герм. \bar{u} — слав. $\bar{u}_1 \geq \bar{r}i$ (например, праслав. $*buk\bar{c}$ из герм. $*b\bar{o}ka$, праслав. $*t\bar{c}in\bar{c}$ из герм. $*t\bar{u}-na-$), но это уже проблема фонологического усвоения. Двум германским (прежде всего, готским) фонемам \bar{o} и \bar{u} могли соответствовать только две славянские фонемы: \bar{u}_1 и \bar{u}_2 , так как \bar{a} , разумеется, в счет не идет. Показательно отсутствие других возможностей передачи и притом независимо от времени заимствования.

*

Все сказанное позволяет установить следующую последовательность фактов:

1. разложение долгого u_1 перед гласной (тип $*m\bar{u}-en- \geq m\bar{u}en- \geq m\bar{c}wen\bar{c}$, $*sj\bar{u}-en- \geq sj\bar{u}en- \geq \bar{s}wen\bar{c}$);
2. изменение $*j\bar{u}_1 \geq ji$ ($*sj\bar{u}ti \geq \bar{s}iti$), $*j\bar{a} \geq je$;
3. монофтонгизация $*\bar{a}u \geq \bar{u}_2$, $*e\bar{u} \geq j\bar{u}_2$;
4. изменение $*\bar{u}_1 \geq \bar{u}i$;

⁵¹ См.: Л. Мошинский, К фонологии просодических элементов в славянских языках (о фонологической нерелевантности изолированного просодического признака), ВЯ, 1965, 2.

5. возникновение еров (* \bar{u} \geq ъ, * i \geq ъ) и их редукция (*ѡ \geq ѡ, *ѣ \geq ѣ) как главная причина так называемой праславянской метатонии (в это время, по всей вероятности, формируется также новая оппозиция качества низких гласных: * \bar{a} \geq а, * \bar{o} \geq о, * \bar{e} \geq ѣ₁, * \bar{e} \geq е)

6. праславянская метатония как главная причина возникновения связи долготы с интонацией и сокращения двуморных фонем.

7. монофтонгизация * $\bar{a}i$, * $\bar{e}i$ в \bar{e}_2 и i_2 как результат взаимодействия тенденции сокращения двуморных фонем и закона открытых слогов;

8. готское влияние (II—IV вв.) и заимствование готского слова *biuþs*—слав. **bl'udo* (и, по-видимому, других готизмов, в том числе, возможно, также гот. *mōta* — слав. **mъito*);

9. славянские заимствования у балтов (например, литов. *mūitas* из слав. **mъito*);

10. вторая палатализация заднеязычных согласных;

11. первые славяно-латинские контакты на Балканском полуострове (VI в.); появление доказательств отсутствия дифтонгов (лат. *Lauganum* — слав. *Lovret*) и прекращения действия II палатализации (например, греч. ἄγγελος дает слав. *anġelъ*);

12. кирилло-мефодиевское написание љ, зи (около 860 г.);

13. изменение ѣ₁ \geq i_3 (y).

Пользуясь этой схемой, в которой, к сожалению, мало фактов, связанных с абсолютной хронологией, можно попытаться установить время монофтонгизации праславянских дифтонгов. Видимо, дифтонги *ai*, *ei* подверглись монофтонгизации до заимствования гот. *biuþs*, а следовательно, в период до II в. н. э.; вероятно, это произошло незадолго до начала новой эры. Дифтонги *ai*, *ei*, по-видимому, просуществовали, в соответствии с общим мнением, до IV—V вв. н. э., но не позднее, так как в период древнейших контактов с греками (VI в.) II палатализация уже перестала действовать. Дифтонгическое же ѣ₁ могло сохраниться даже до XII в., когда в сербских текстах наблюдается смешение букв ѣ₁ — *i*.

Перевела с польского Л. Е. Лопатина